

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

О НАЦИИ

Люди вашего, враждебного мне, склада мало думали о нации и национальной проблеме. Вы готовы ещё признать государство по утилитарным соображениям. Но вы не способны были проникнуть в интимную тайну национального бытия. Правда, вы признаете права угнетенных национальностей и для этих национальностей готовы стать самыми крайними националистами. Многие из вас выставляют на своем знамени право самоопределения национальностей. Но это и доказывает, что к тайне национального бытия вы можете подходить лишь внешне, что внутрь её вам нет доступа. Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности. Вы провозгласили право свободного самоопределения национальностей, нисколько не интересуясь самими национальностями и даже не веря в существование такого рода реальностей. Вам нужно это «свободное самоопределение» как способ борьбы за ваши политические и социальные идеалы, за отвлеченное равенство и свободу, а отнюдь не за конкретное национальное бытие, не за национальный расцвет. Поистине, в национальном бытии есть недоступная для вас иррациональная тайна, скрытая глубоко в земле. Вы никогда туда не проникаете, вы всегда остаетесь на поверхности. Вы очень чувствительны к еврейскому вопросу, вы боретесь за права евреев. Но чувствуете ли вы «еврея», чувствуете ли вы душу еврейского народа, проникали ли вы когда-либо в эти тайны, в эти таинственные судьбы еврейства, восходящие к древним истокам человечества? Нет, ваша борьба за евреев не хочет знать евреев, не признает существования «еврейского», она есть лишь интернациональная борьба за уравнивание, борьба за человека абстрактного, за абстракцию человека. Вы не знаете конкретного человека в плоти и крови, в роде и племени, человека национального. Ваша борьба за освобождение угнетенных национальностей и за уравнивание их есть интернациональная борьба, борьба геометрическая, борьба, отвлекающая и отрывающая национального человека от живого лица, от материнства и отечества. «Угнетатели» национальностей иногда больше их признают, чем «освободители». «Угнетают» живого национального человека в роде и племени, в плоти и крови, «освобождают» же отвлеченного геометрического человека. Я не хочу «угнетать» еврея и еврейское, но не хочу и «освободить» отвлеченно, как абстракцию, человека, теряющего всё своё еврейство. Я глубоко чувствую еврея и еврейство, всю особенность и неповторимость еврейской судьбы, всю исключительность и непреодолимость её. Это моё чувство переходит в сочувствие. Но я не верю в уравнивательное и смесительное разрешение еврейского вопроса. Тайна всякого национального бытия заслуживает сочувствия. В нее нужно вникать даже тогда, когда речь идет о

враждебной нам нации. Германский народ был нашим врагом и мы должны были бороться против него. Но неповторимо своеобразное в германском, самое интимное в германском духе, подлинно индивидуальное в выражении германского лика всегда, и в момент борьбы, казалось мне заслуживающим сочувственного вникновения. В нашей интернационалистической борьбе за освобождение и уравнивание национальностей не чувствуется восприятия национальных ликов, нет в ней любви к национальному образу. Прав был К. Леонтьев, когда он признал вашу национальную политику лишь орудием всемирного разрушения и увидел в ней лишь торжество демократии и космополитизма. Ваш принцип «право самоопределения национальностей», столько опошленный в русской революции, есть антиисторическая абстракция, выдуманная теми, которые отрицают ту неповторимую реальность, которая именуется национальностью. Национальность не может быть вырвана из конкретной истории, и право её не может быть рассматриваемо абстрактно. Каждая национальность в разные периоды своего существования имеет разные права. И все исторические национальности имеют разные права. Эти права не могут быть уравнены. Существует сложная иерархия национальностей. Бессмысленно и нелепо уравнивать права на самоопределение русской национальности и национальности армянской, грузинской или татарской. Бессмысленно и нелепо подходить с одной абстрактной меркой к правам национальности германской и национальности испанской в данный момент мировой истории. В жизни наций бывают периоды расцвета и периоды отцветания, периоды высшего напряжения их силы и периоды слабости. И права их на самоопределение в этих случаях различны. Вопрос о правах самоопределения национальностей не есть вопрос абстрактно-юридический, это прежде всего вопрос биологический, в конце концов мистико-биологический вопрос. Он упирается в иррациональную жизненную основу, которая не подлежит никакой юридической и моральной рационализации. Все исторические национальности имеют совершенно разные, неравные права, и они не могут предъявлять одинаковых притязаний. В историческом неравенстве национальностей, неравенстве их реального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть исполнение нравственного закона исторической действительности, столь непохожего на закон действительности индивидуальной.

Нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности, и тайна её недоступна тем, которые совершенно лишены чувства исторической действительности, которые пребывают целиком в абстрактных социологических категориях. Вы, люди абстрактного социологического мирозерцания, не можете понять тайны национального бытия, потому что вы вообще разлагаете нацию на абстрактные социологические элементы. После анализа вашего от нации ничего не остается. Поистине, нация не поддается никаким рациональным определениям. Никакие рационально

уловимые признаки не исчерпывают её бытия. Все дальше и дальше, в таинственную, иррациональную глубину уходит бытие нации по мере приложения к ней рациональных психологических или социологических определений. Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание. Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна. В этой точке национальное сознание погружено в глубину жизни, в недра исторической реальности, единой и неповторимой. Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы, хотя он утерял почти все признаки национального бытия, и язык, и территорию, и государство, отступал и от старой веры своей. Сознать это таинственное единство исторической судьбы могут элементы смешанной крови, происходящие от сложных расовых слияний. В биологических основах исторической национальности не бывает чистой крови, чистых рас. Образование исторической национальности есть уже результат сложного взаимодействия и смешения рас. Раса сама по себе есть фактор природно-биологический, зоологический, а не исторический. Но фактор этот не только действует в исторических образованиях, он играет определяющую и таинственную роль в этих образованиях. Поистине, в расе есть таинственная глубина, есть своя метафизика и онтология. Из биологических истоков жизни человеческие расы входят в историческую действительность, в ней действуют они как более сложные исторические расы. В ней разное место принадлежит белой расе и расе желтой, арийской расе и расе семитической, славянской и германской расе. Между расой зоологической и национальностью исторической существует целый ряд посредствующих иерархических ступеней, которые находятся во взаимодействии. Национальность есть та сложная иерархическая ступень, в которой наиболее сосредоточена острота исторической судьбы. В ней природная действительность переходит в действительность историческую. Образование еврейской исторической национальности было уже результатом скрещивания рас и смешения крови, в ней элемент чисто семитический встретился с элементами несемитическими. Чемберлен видит причину отрицательных сторон еврейской национальности в том, что смешение это было преступным кровосмешением, соединением чистого семита-араба с сирийцем. Но как бы ни объяснялось расовое происхождение еврейства, единая и таинственная историческая судьба еврейского народа началась после того, как образовалась еврейская национальность. В судьбе этой кровь играет огромную роль. Но еврейская национальность представляет уже иную иерархическую ступень, чем, например, семитическая раса, в которой осуществляются разные исторические судьбы. Именно историческая судьба еврейского народа, совершенно необъяснимая рационально, дает нам исключительное чувство истории, исторической реальности. Образование

исторических национальностей не есть переплетение явлений биологического характера с явлениями характера социологического, это есть образование исторической конкретности, исторической индивидуальности из природного расового хаоса. Образование исторической национальности есть борьба с изначальной хаотической тьмой, есть выделение лика, образа из безликой и безобразной природы. Это есть благостный процесс возникновения дифференциаций и неравенств в исторической действительности, где всё конкретно. Если одностороння и неверна исключительно антропологическая, расовая философия истории (Гобин, Чемберлен и др.), то всё же в ней есть какая-то правда, которой совсем нет в отвлеченной, социологической философии истории, не ведающей тайны крови и всё сводящей к рациональным социальным факторам. Исторические дифференциации и неравенства, путем которых образовался исторический космос, не могут быть стерты и уничтожены никакими социальными факторами. И голос крови, инстинкт расы не может быть истреблен в исторической судьбе национальностей. В крови заложены уже идеи рас и наций, энергия осуществления их призвания. Нации — исторические образования, но заложены они уже в глубине природы, в глубине бытия. В самых недрах жизни космической есть потенции национальных судеб, есть энергия, влекущая к осуществлению этих судеб. История внедрена в природу. Историческая действительность есть огромная иерархическая ступень космической жизни. В ней космическая энергия концентрируется и разрешает судьбы мира. Раса, как начало космическое, действует концентрированно в национальности, как в начале историческом. В исторической действительности происходит оформление космоса, величайшая борьба и одоление начал хаотических началами космическими. Историческая национальность есть вечное достижение космического бытия. Разрушение её есть разрушение космоса, возврат к хаосу.

Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрывка исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время. Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим и будущим. Нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью, она не может допустить исключительного торжества будущего над прошлым. Вот почему в национальном бытии и национальном сознании есть религиозная основа, религиозная глубина. Религия есть установление связи и родства, преодоление чуждого инобытия, и в родине прежде всего обретает человек эту связь. И всякая попытка оторвать национальность от этой религиозной глубины выбрасывает её на поверхность и подвергает её опасности распыления. Истинное национальное сознание есть глубинное сознание, оно утверждает не истребляющую и смертоносную силу

исторического процесса, а охраняющую всё жившее и воскрешающую его силу. Национальное сознание консервативно не потому, что оно враждебно творчеству, а потому, что оно охраняет подлинную жизнь, цельную жизнь от смертоносных истреблений грядущего; оно признает наших дедов и отцов, наших предков, столь же живыми, как и нас самих, как и грядущих потомков наших. Жизнь нации, национальная жизнь есть неразрывная связь с предками и почитание их заветов. В национальном всегда есть традиционное. И поскольку революционизм ваш разрывает связь времен, уничтожает память о прошлом, о предках, он глубоко антинационален. Интернационализм есть религия будущего, не знающего границ в своих притязаниях, а не религия вечного, несет он всему жившему весть о смерти и истреблении, а не о жизни и воскресении. Революционный интернационализм и есть последовательная религия смерти, отрицание нетленности. Эта религия не признает надгробных памятников. Она прямо противоположна тому великому воскрешающему духу, который побуждал древних строить свои могилы и надгробные памятники. Эта религия всепожирающего грядущего не хочет уже заботиться о связи с предками, о могилах предков, об их нетленности и об общей жизни с ними. Национальное сознание глубоко противоположно этому духу. И поверхностно и противоречиво то национальное сознание современных европейских народов, которое отрывается от религиозных своих корней. Современный национализм народов Европы ложен в своих корнях. Но и через ущербное и недостаточно глубокое национальное чувство современные народы приобщаются к религиозной жизни, по-своему стремятся к нетленной жизни. В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам. Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории. Это — творческая сторона национализма, и ей интернационализм так же враждебен, как и сохраняющей и воскрешающей его стороне. Интернационализм хотел бы остановить рост силы народов, хотел бы сорвать их цвет. Он хотел бы направить жизненное движение народов в сторону, в пустые, промежуточные пространства, в страшные абстракции грядущего. Он хотел бы угасить волю наций к бытию, к историческому восхождению. Он морально пленяет аскетическим отречением от национального эгоизма. Но за этим отречением, толкающим на путь небытия, скрыто человеческое самоутверждение, эгоизм классовый и личный, жажда благополучия, отказ от жертв, которых требует историческая судьба, историческое движение народов ввысь. Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего. Он повергает их в иное будущее, страшное своей пустотой, своей отвлеченностью. И в самом элементарном, инстинктивном национальном эгоизме есть больше жизненной правды, чем в вашем интернационализме.

Вы, интернационалисты всех оттенков, совершили самую отвратительную подмену: вы подменили бытие всечеловечества, единого конкретного человечества небытием, которому дали наименование интернационала. Вы безнадежно смешали вселенскость и интернационализм. И вы многих соблазнили, вы привлекли к себе сердца обличем добра. Смещение, подмена и обман начались раньше, до зарождения интернационала социалистического, в гуманистическом пацифизме, в либеральном космополитизме, в масонстве. Там уже конкретное всечеловечество подменено было абстрактным общечеловечеством. В положительное, конкретное всеединство человечества входят все ступени бытия человека, вся полнота, в нём ничто не отменяется и не уничтожается, всё достигает наибольшей силы и выражения. Но конкретного всеединства вы не знаете. Оно дано прежде всего во Вселенской Церкви, в нём единство человечества мыслится религиозно. Вам совершенно чужда та идея, что человечество есть конкретная реальность, как бы некая личность в космической иерархии. В вашем отрицательном абстрактном единстве человечества все иерархические ступени бытия человечества упраздняются, от них происходит отвлечение. В конкретном всеединстве не может быть противоположения между нацией и человечеством: во всеедином человечестве утверждаются все нации, в нём они достигают силы и цветения. В абстрактном единстве человечества бытие наций отменяется — человечества нет в нациях и через нации, и нации нет в человечестве и через человечество. Человечество есть отвлечение от всех ступеней конкретного индивидуального бытия. Во вселенскости нация и человечество — нераздельные и предполагающие друг друга члены единой космической иерархии. В интернационализме нация и человечество взаимно исключают друг друга и, в конце концов, нет ни нации, ни человечества, ибо нет никакой конкретной реальности, никакой конкретной индивидуальности, есть лишь отвлечение. Нет конкретного человека, а лишь абстрактный человек или класс, нет конкретного человечества, а лишь абстрактное человечество, отвлечение от всего органического, живого, индивидуального. Интернационализм противоположен не только национализму, но и вселенскости, и положительному всеединству; в нём действует дух небытия, истребляющий реальности во имя призраков.

Я не знаю ничего более отталкивающего и ложного, как попытки некоторых из вас дать интернационализму христианское обоснование и оправдание. Иные наивные и слабые христиане соблазняются этим. Но христианство может быть лишь враждебно интернационализму, оно враждебно духу небытия, духу, истребляющему конкретные реальности во имя абстракций. Христианство утверждает конкретное положительное всеединство, в которое входят все богатства бытия. Но оно не может и иметь ничего общего с тем абстрактным монизмом, в котором исчезает Бог и мир, тонет человек, нация и человечество. Для христианства прежде всего существует душа каждого человека, душа народа, душа человечества. Но

оно не знает того, что не имеет души. А имеет ли душу ваш интернационал, ваше интернациональное человечество? Абстракция не может иметь души. Да и ваш интернационализм утверждает не единое человечество, а единый пролетариат. Вы создаете величайшую рознь в человечестве, какую только знает история мира. Вы отрицаете образ и подобие Божие в человеке и утверждаете в нём образ и подобие экономического положения. Для вас не существует человека и человечества, для вас существуют лишь экономические категории, лишь то, что материально есть у человека или чего у него материально нет. И кощунственно всякое сопоставление вашего интернационализма с христианством. Это вы, вы, интернационалисты, отрицаете, что человечество есть единый род Божий, вы самые страшные враги единства человечества. Вы окончательно разрываете в роде человеческом духовную связь будущего с прошлым и духовную связь избранного вами класса — пролетариата — с остальной отверженной частью человечества. И потому вы — убийцы человечества и человека. Христианство зовет к братству народов, как и к «братству людей. Но братство народов предполагает существование людей, человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности. И моя русская любовь к французу, англичанину или немцу не может быть любовью к отвлеченному человеку, человеку вообще, она может быть лишь любовью к французскому, английскому или немецкому человеку, к французскому, английскому или немецкому в нём, к индивидуальному образу. Вы же не знаете любви, не знаете братства. Для вас ничего не существует, кроме абстрактных экономических и социологических категорий, вносящих великую рознь в человечество. Любовь к какой-нибудь национальности, братское к ней отношение предполагает утверждение вечного бытия этой национальности, не допускает исчезновения её в абстрактном человечестве. И вам ли быть глашатаями братства народов? Интернационализм есть безобразная карикатура, изолгание вселенского христианского духа, лживое его подобие. Так и антихрист будет лживым подобием Христа, карикатурой.

На французском языке есть два слова для обозначения двух существенно различных понятий — *nation* и *peuple*. По-русски нет соответствующих хороших слов. Противоположение *нации* и *народа* звучит плохо, потому что противопоставляются иностранное слово и русское. Но по установившейся у нас терминологии приходится всё-таки прибегнуть к этому противоположению. На слове «народ» лежит у нас роковая печать народнического сознания, от которого так трудно русским освободиться. Всем вам, русским народникам, сознательным или бессознательным народолюбцам и народопоклонникам, очень трудно принять национальное сознание, вы безнадежно смешиваете его с сознанием народническим. Ваш народ не есть нация. К народу применяете вы категорию количества и категорию социально-классовую. Но к нации категории эти неприменимы. Ваш народ есть прежде всего эмпирическое количество, огромная сумма

Петров и Иванов. Ваш народ не есть великое органическое целое, объемлющее все классы и все поколения, он есть лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящиеся классы. Слишком многие исключены из вашего народа, и интеллигенция, и дворянство, и бюрократия, и купечество, и промышленники. И вы требуете служения народу, как чему-то внеплотному для всякого, не принадлежащего к физически трудящимся классам, как верховному началу жизни и идолу. Я лишен был права чувствовать себя народом, себя в народе, и народ в себе. Народное не было моей глубиной. Народное было вне меня и надо мной. Я должен служить народу, должен видеть в нём критерии истины и правды, должен склоняться перед народом и во имя народа отрешиться от величайших ценностей. На этой социально-классовой и количественной конструкции понятия народа основано было традиционно русское противоположение интеллигенции и народа. Народническое сознание разорвало органическую целость национальной жизни и создавало непреодолимые противоположности. Интеллигенты-народники хотели преодолеть пропасть между интеллигенцией и народом, шли в народ, отреклись от всего во имя народа, но их народническое сознание лишь увековечивало пропасть между народом и интеллигенцией, ибо толкало на путь социально-классовой борьбы и противоположности. Эта пропасть исчезнет лишь на почве национального сознания, обращенного к большей глубине. Вы оставались на социальной поверхности жизни, вы никогда не доходили до того духовного национального единства, в котором исчезает противоположность между барином и мужиком, между интеллигенцией и народом. Нации нельзя противопологать интеллигенцию или дворянство. Национальное есть моя собственная глубина и глубина всякого, более глубокий слой, чем социальные наши оболочки, в котором и обнаруживается русское, французское, английское, немецкое, связывающее настоящее с далеким прошлым, объединяющее дворянина и крестьянина, промышленника и рабочего.

Нация не есть тот или иной класс, не есть эмпирическое количество ныне живущих людей. Нация есть мистический организм, таинственную жизнь которого мы постигаем в собственной глубине, когда мы перестаем жить поверхностной жизнью, жизнью внешних интересов, когда мы освобождаемся от исключительной власти оболочек, разделяющих людей. Крестьянин может быть менее народом-нацией, чем дворянин или интеллигент, если жизнь его оторвана от глубины и выброшена на поверхность, в то время как жизнь дворянина или интеллигента может быть обрета на этой глубине и черпать творческую силу из глубоких источников. Так, все ваши революционные демократии, все ваши советы рабочих и крестьянских депутатов ничего общего не имеют с народом, как нацией, как мистическим организмом. В тысячу раз более народом был дворянин Пушкин или интеллигент Достоевский. Самого совершенного и высшего своего выражения нация достигает в гении. Гений всегда народен, национален, в нём всегда слышится голос из недр, из глубин национальной

жизни. Дух нации всегда выражается через качественный подбор личностей, через избранные личности. Никакая рациональная демократия с её механикой количеств не может быть выразительницей духа наций. И воля нации невыразима арифметически, в количествах, не есть воля большинства. В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное ещё будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы. Но вашим революционно-демократическим шумом вы хотите заглушить голоса умерших поколений, хотите убить чувство прошлого. Вам закрыт подход к великому органическому целому, побеждающему истребляющую власть времени. И потому вы не можете знать воли нации, не можете выразить её. Вы противопоставляете нации народ, который хотите превратить в революционную демократию. Но нация не есть демократия и невыразима в демократии. Более таинственны пути её выражения. И то поколение, которое порвет всякую связь с национальным прошлым, никогда не выразит духа нации и воли нации. Ибо в духе нации и воле нации есть сила воскрешающая, а не смертоносная. Пора, пора уже обратиться нам не к «народу», а к нации, т. е. перейти от поверхности к глубине, от количества к качеству. Национальное начало в общественной жизни есть начало качественное, а не количественное. *Национальное* заложено в древних недрах природы, и эти потенциальные энергии национального бытия раскрываются в истории. Безмерно глубже заложено национальное, чем ваша демократия, чем ваш «народ», чем все ваши количества и массы сегодняшнего дня. Нация есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить или загубить. Эмпирический народ должен быть подчинен нации, её задачам в мире. В нации есть ноуменальное, онтологическое ядро, которого нет в том эмпирическом явлении, которое вы именуете «народом». Не народниками, а русскими должны вы быть. Россия бесконечно ценнее, священнее должна быть для вас, чем народ, чем человеческое население того или иного времени, в той или иной своей части.

Государство не является определяющим признаком бытия нации. Но всякая нация стремится образовать своё государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ в древности уже постоянно подпадал под чужеземное иго и терял свою государственную самостоятельность, а потом совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах, он склонен к революционному отщепенству и к интернационализму, который есть лишь обратная сторона его болезненного

национализма. Но и у еврейского народа не умерла окончательно воля к образованию собственного государства, и страстная мечта о нём воскресает в утопии сионизма. Отношение между бытием нации и бытием государства очень ложно. Всякая нация стремится образовать государство и укрепиться в нём. Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным. *Русское* государство было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни. Такое государство, как Австро-Венгрия, представляло исключение, и существование его определялось не внутренней энергией, а стечением внешних исторических обстоятельств. Государства исключительно династические — болезненное явление исторической действительности. Династическое начало не может быть самодовлеющим. Оно должно быть подчинено началу национальному. Но государство по природе своей стремится выйти за рамки замкнутого национального государства. Чисто национальными остаются лишь государства малых наций. Большие нации, сознавшие свою миссию в мире, стремятся образовать империалистическое государство, которое выходит за пределы бытия национального. Воля больших наций направлена к империалистическому объединению, в котором и осуществляется национальное призвание. Есть диалектика национального бытия, которая разрушает границы национальностей и стремится перелить государство национальное в государство империалистическое. Великобританская империя есть конец Англии, как национального государства, есть выход английской национальности в мировую ширь. И национальный вопрос совершенно разнo стоит для наций малых и слабых и для наций больших и сильных. Для наций малых и слабых национальный вопрос есть вопрос освобождения и независимости, вопрос образования или сохранения национального государства. Для наций больших и сильных национальный вопрос есть вопрос мировой мощи и мировой миссии, вопрос образования и расширения империалистического государства. Национальные движения XIX века, которым сочувствуют демократы и революционеры, были борьбой за независимость наций малых и слабых и за объединение наций раздробленных. В этом осуществлялась историческая тенденция к индивидуализации, которая есть несомненная часть исторической правды. Но наряду с этим происходила борьба за большие империалистические единства, за великие исторические тела, в которой осуществлялась историческая тенденция к универсализации, которая есть другая часть исторической правды. Вы никогда не могли понять правды и смысла этой демонической воли великих наций, этой пожирающей жажды осуществления своих мировых миссий. Для вас национальный вопрос был всегда исключительно мещанским вопросом. Вы всегда отрицали существование национального вопроса для русских, для самой России,

русского национального вопроса. И вы утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском, еврейском и многих других. Ложная политика старой власти, не понимавшей, что империалистическая политика великого народа может быть лишь помогающей и дарящей для малых национальностей, нравственно благоприятствовала вам и помогала вашему делу разрушения. Национальное сознание на известных ступенях исторического могущества наций переходит в сознание империалистическое. Но национальное сознание переходит все пределы и достигает вершин в сознании мессианском. Мессианизм есть безумное сознание народа, оно по природе своей противоположно и национализму, и империализму. Национализм и империализм остаются в природном порядке. Мессианизм выходит из природного порядка, он мистичен. В мессианизме есть жертвенность, которой нет в национализме и империализме. Мессианское сознание требует уже от народа жертвенного мирового служения, служения спасению мира.

Всякое мессианское сознание имеет своим истоком мессианское сознание еврейского народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврействе, в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим. Еврейское сознание не было националистическим сознанием и ещё менее было оно сознанием империалистическим; оно было сознанием мессианским. Христос-Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов мира, для всего мира. И после явления Христа невозможен уже в христианском мире еврейский мессианизм. Не может уже быть избранного народа Божьего, в котором явится Мессия. Но может быть исключительное по напряженности сознание народом своего религиозного и духовного призвания в мире. Это чувство избрания и призвания в народе, подобное тому, которое чувствует отдельный человек, совершенно иррационально, и притязания его могут быть безумны. Выполнение мессианского призвания есть свободный подвиг духа, выводящий за пределы не только природы, но и истории. В пределах истории невыполнимо мессианское призвание. В мире христианском мессианское призвание всегда обращено к концу, оно всегда апокалиптично, дали его всегда сверхисторичны. Положительная историческая почва может быть подготовляема лишь в национализме и империализме. Мессианизм же есть блеск молнии, есть безумие во Христе. Мессианизм не поддается никакой рационализации. Мессианское сознание в христианстве легко уклоняется к древнееврейскому мессианизму. Этот уклон есть и в мессианизме польском, и в мессианизме русском. Те, которые считали русский народ народом богоносцем, многое восприняли от древнееврейского духа. В мессианском огне может сгореть и бытие национальное, и бытие империалистическое. Польский мессианизм последовал за гибелью польского государства, русский мессианизм предшествовал гибели русского государства. Бытие всякой нации имеет религиозную основу. Мессианское же сознание есть религиозная его вершина. Моменты национальные и религиозные переплетаются и в

некоторых точках таинственно скрепляются. Так, в основе русской национальности лежало православие, им духовно крепок был наш народ. На вершинах же нашего сознания загорелся мессианский религиозный свет. Русскую идею невозможно отделить от религиозной идеи. Но это сплетение религиозных и национальных моментов и создавало очень сложное отношение между национальностью и церковью в России. Церковь подверглась слишком большой национализации, и было ослаблено вселенское христианское сознание. Русский мессианизм из христианского делался древнееврейским. И нам необходимо прежде всего оздоровление религиозных основ нашего национального сознания. Русский мессианизм оторвался от своих религиозных основ и явился в новом облике мессианизма революционного. И этот революционный мессианизм нанес страшные раны России. В самой национальной русской стихии обнаружилось начало самоистребления.

Если вы хотите прикоснуться к тайнам национального бытия, то задумайтесь глубже и серьезнее над еврейским вопросом. Если неистребимая, неповторимо оригинальная и таинственная сила еврейства в истории не дает вам чувства национальности, то вы безнадежны. Вы придумывали разные способы решения еврейского вопроса, чтобы угасить всю остроту этого вопроса. Вам никогда, никогда не справиться с «еврейством», оно сильнее всех ваших учений, всех ваших смешений и упрощений. Еврейство существует в мире для того, чтобы доказывать всем народам существование тайны национальной и тайны религиозной. Поистине слишком легко и поверхностно относятся к еврейству и филосемиты, и антисемиты. На большей глубине нужно брать этот вопрос. В вопросе этом чувствуется судьбина Божья в истории. Еврейство имеет свою миссию в мировой истории, и миссия эта переходит за границу национальных миссий. Оно говорит о существовании более широкого объема, чем существование национальное. В истории есть образования и объединения большего объема, чем образования и объединения национальные, есть духи рас и миссии рас. Есть мир латинский, который принес человечеству особый дух и особую культуру, есть мир германский, есть мир славянский. Есть смена в истории духовного господства этих рас и этих миссий. Но есть духовные общности ещё большего объема — мир арийский, мир семитический, мир монгольский. Раса арийская, которую так трудно определить исследованиями антропологическими и этнографическими, имеет свою идею в мире, свою духовную миссию. Арийский мир через христианство принял в себя семитическую прививку и тем осоловел. Но он не может допустить торжества семитического духа, он освобождает и само христианство от исключительного господства семитства. Невыносимое самомнение германцев в том и заключается, что они считают себя единственными чистыми арийцами, носителями и выразителями чисто арийского духа. У германцев есть своё мессианское сознание, но это мессианизм не столько религиозный, сколько расовый и духовно-культурный. В германском мессианизме нет ничего

апокалиптического. Если русских соблазняет, что единственная истинная церковь есть русская церковь, что истинный Христос есть русский Христос, то германцев соблазняет, что истинная культура есть германская культура. Но такой культурный мессианизм есть внутреннее противоречие, ибо мессианизм имеет религиозную, а не культурную природу. Культура может быть лишь национальной, а не мессианской. Мессианизм всегда жаждет выхода за пределы культуры. Германский культурный мессианизм есть столь же ложное притязание, как и русский революционный мессианизм.

Может быть два типа национализма, два типа понимания национализма. Национализм может быть идеализацией стихийных свойств народа, самодовольством народа. Он может быть в упоении от этих свойств и не допускать никакой критики и самокритики. Это — стихийный национализм, и в низших своих проявлениях он может быть зоологическим национализмом. Этот тип национализма может также переходить в отрицание национальной идеи и видеть в слабости национального чувства и национального сознания — национальную особенность. Русские интернационалисты нередко бывают националистами такого типа. Самоотрицание и самоистребление России готовы признать русской национальной особенностью. Русская революционная интеллигенция лишена была всякого национального чувства и национального сознания. Но в ней были характерно русские национальные свойства. Они истребляли Россию, но истребляли по-русски. Русский нигилизм был русским национальным явлением. Но он истреблял наше национальное бытие. К тому же типу стихийного национализма принадлежали и более правые славянофильские течения, утверждавшие национальную идею. Эти течения упивались национальными особенностями, независимо от того, способствуют ли они или препятствуют разрешению национальных задач, увеличивают ли они нашу силу и нашу ценность в мире. Но существует другой тип национализма, национализм творческий. Для этого типа национального сознания национальное бытие есть творческое задание. Этот тип национального сознания не только допускает, но и требует самокритики, он призывает к самокритике и перевоспитанию во имя национального бытия. Второй тип национального сознания более высокий. Но он не может быть оторван от национальных основ и корней, от национальной онтологии. Он несет свет в темные недра национальной жизни. Целостное, органическое понимание национальной проблемы упирается в мистическую иррациональную основу. Механическое понимание национальной проблемы приводит к разным теориям федерализма, персональной автономии и т. п. К чему ведет ваше неорганическое отношение к национальной проблеме, ваши механические измышления, ваши рационалистические утопии в этой области, показывает судьба несчастной России. Отрицание органического национального бытия во имя отвлеченных мышлений, во имя отвлеченной справедливости, равенства, единства и т. п. есть всегда посягательство на убийство живого существа. И все вы, интернационалисты, уравниатели,

упростители, смесители, вы все убийцы, у вас руки в крови. Вы убивали нашу родину, живое существо, носившее имя России. Вы были убийцами всегда и повсюду.